

Д. Ю. Сивков

Как работать с дневниками?

Денис Юрьевич Сивков — кандидат философских наук, доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–6, стр. 1. **Электронная почта:** sivkov-dyu@universitas.ru.

Аннотация: В обзоре круглого стола «Как работать с дневниками?», проходившего в МВШСЭН в рамках конференции «Биографическая коллизия: теория метод и нарратив», представлена ветка дискуссии, посвященная проблеме контекстуальности написания, чтения и исследования дневников.

Ключевые слова: социальные исследования, эго-документ, дневник, редакция, стиль.

Для цитирования: Сивков Д. Ю. Как работать с дневниками? // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 31–35.

На конференции «Биографическая коллизия: теория, метод и нарратив» я организовал круглый стол «Как работать с дневниками?». Лично меня, антрополога космоса, интересовала работа с дневниками как этнографическими источниками. Антропология космоса так или иначе ограничена тем, что исследователь не может реализовать *being there* — важное требование этнографической объективности непосредственного присутствия. Поэтому социальные исследователи изобретают другие методологические средства и подходы. Американская исследовательница-антрополог Деббора Батталья предложила рассматривать дневники космонавтов и астронавтов как своего рода полевые дневники [Battaglia, 2012]. Действительно, эти датированные отчеты из длительных орбитальных экспедиций содержат достаточно подробное насыщенное описание космической повседневности, рефлексии и даже попытки концептуализации тех или иных социальных феноменов. При чтении дневников меня интересовали вопросы: можно ли личные биографические записи считать источником этнографических данных? Как в личных переживаниях заметить какие-то социальные и исторические закономерности? Что способствует тому, что исследователи доверяют или не доверяют дневникам? Более того, мне хотелось знать, что толкает людей вести и потом публиковать эго-документы?

В общем, мне хотелось с разных перспектив узнать, как работать с дневниками: как вести дневник, как читать и как изучать. Конференция предоставила такую возможность, и я предложил коллегам собраться в формате круглого стола и попробовать ответить на эти вопросы.

Я сознательно пригласил «разношерстную компанию» экспертов. Во-первых, позвал Алексея Екайкина, гляциолога и полярника из Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ). Он много лет участвовал в экспедициях в Антарктиду, где вел дневники. На встрече Алексей говорил, что лёд, который исследуют гляциологи, — это тоже своего рода дневник, документ, свидетельствующий о различных событиях в истории нашей планеты. Во-вторых, я предложил участвовать историку Михаилу Мельниченко, руководителю Центра изучения эго-документов «Прожито» в Европейском университете Санкт-Петербурга. Михаил — ведущий специалист по дневникам в РФ. Он инициатор составления цифровых корпусов биографических текстов. Кроме того, Михаил и его коллеги регулярно публикуют дневники по той или иной тематике [Ломагин, Павловская, 2022]. Наконец, я пригласил коллегу-социолога Ивана Александрова из Московской высшей школы социально-экономических наук. Иван, будучи историком-африканистом по первому образованию, интересовался с социологической перспективы, как можно работать с опубликованными дневниками советских специалистов по Африке.

В ходе представления и дискуссии всплыло несколько сюжетов и тем. Я хотел бы обратить внимание на генеральную линию в наших медитациях. Один из дневников Алексея Екайкина был опубликован в альманахе издательства Paulsen [Екайкин, 2011]. Это были впечатления от поездки по континенту на вездеходе «Харьковчанка». Специалист-гляциолог вёл «литературный» дневник специально для публикации. При этом параллельно он вёл ещё один дневник, более личный. Алексей сказал следующее: «У меня из этой экспедиции есть ещё дневник „для себя“, который, наверное, не такой литературный, грубый, неотесанный, с матюгами и так далее. То есть два параллельных текста. Один опубликован, это не дневниковый стиль, а репортажный, скорее. И есть какой-то там параллельный дневник для самого себя, где, ну, наверное, всё то же самое, только вполне с какими-то, может быть, личными подробностями и эмоциями. Лишними эмоциями».

Случай Алексея поставил вопрос о том, какой дневник лучше, правдивее, интереснее — подготовленный или тот, что более личный. Дальше разговор коснулся темы цензуры, правок, авторской и редакторской работы со стилем. Что если сам автор или его наследники не хотят при публикации, чтобы некоторые чувствительные моменты становились всеобщим достоянием? Михаил Мельниченко отметил, что в практике публикации появились компромиссные решения: «Но вот для меня самым приемлемым, не скажу желанным, но приемлемым и не мучающим меня стилистически, вариантом редакторской работы с текстом является сокращение. Причем сокращение, уровень которого прописан в преамбуле и демонстрируется, где у нас это сокращение сделано. То есть в тексте остается значок, помечающий, что здесь какая-то часть информации была выпущена. Вот это такое компромиссное решение. Да, мы скрыли, но мы не скрываем, что мы скрыли».

Иван Александров, основываясь на опыте работы с личными документами советских африканистов, предложил эпистемологическое решение, основанное на понимании контекста. Нужно отдавать отчет, кем, где и когда был создан дневник, при каких обстоятельствах он публиковался и может быть прочитан. По словам Ивана, «когда мы работаем с дневником, который на этом воображаемом спектре находится в значительном отдалении от нашего модельного варианта дневника, мы задаем другие вопросы по типу, которые, может быть, в меньшей степени связаны с непосредственным содержанием, но могут быть связаны с институциональным контекстом, в котором этот дневник появился. Почему он был издан? Кто его читал?». В случае Ивана дневники, изданные в советское время и после Перестройки разительно отличаются, даже если речь идёт об описании одних и тех же событий.

Михаил Мельниченко добавил также, что, с учетом контекста, в самом дневнике видно, что авторы хотят добавить что-то от себя.

Например, у подростков Оттепели был такой особый кураж, когда они как будто хотели выше головы прыгнуть на письме дневников. Это похоже на «момент, когда в маршрутке у тебя звонит телефон, ты начинаешь с кем-то разговаривать, и при этом ты понимаешь, что ты настолько на кураже и ты так остроумно что-то сейчас отвечаешь, что ты начинаешь говорить громче, для того чтобы понравиться, чтобы тебя слышала вся маршрутка. Это действительно часто включается в дневники, особенно в подростковые дневники, когда ребенком овладевает кураж по описанию всего, что вокруг него. И он начинает „врубать“ или большого писателя, или великого мыслителя. Но мы можем доверять этому документу, если мы поймем, кому автор хочет понравиться».

В продолжение дискуссии я спросил у Алексея, есть ли у него воображаемый читатель, для которого полярник пишет. Алексей ответил следующее: «Как раз слушал сейчас ваше рассуждение и думал о том, насколько я честен в своих дневниках. Не хочу ли я самого себя лучше изобразить или приукрасить действительность, в расчёте на то, что этот дневник когда-нибудь кто-нибудь прочтет? Хотя я никогда не писал с расчётом, что кто-то его прочтет. Это реально для себя психотерапия, в том числе. Пережёвываешь что-то в этом дневничке, и потом легче становится».

Эта неопределённость в ответе Алексея в отношении того, для кого пишется дневник, своего рода невозможность думать оппозициями и выбирать одну из возможностей, привели меня к такому выводу в дискуссии: «У антропологов очень много рефлексии было по поводу собственного мифа о чистоте всего: поля, дневника и данных, которые ты привозишь. Ну в общем нет никакой чистоты. Грязные, загрязнённые документы, в которых наследили все, включая редактора, это не так уж и плохо, и с этим как раз нужно и можно работать. Дошло до меня что, оказывается, может быть, не стоит думать о такой чистоте». Действительно, смысл работы с дневниками и другими эго-документами для автора, редактора, читателя и исследователя может заключаться в работе со следами и всякого рода загрязнениями.

Литература:

1. Battaglia D. Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. No 4. P. 1089–1106.
2. Екайкин А. Сезон 56-й РАЭ на станции Восток // *Полярный альманах*. М.: Paulsen, 2011. С. 122–131.
3. Ломагин Н.А. (ред.), Павловская А. Ю. (сост.) «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в СанктПетербурге, 2022.

Denis Sivkov

How to Work with Diaries?

Denis Sivkov — PhD in Philosophy, lecturer at Moscow School of Social and Economic Sciences.
Address: Moscow, Gazetny Lane, 3–5, building 1. **E-mail:** sivkov-dyu@universitas.ru.

Abstract: In the review of the round table «How to Work with Diaries?» held at the conference «Biographical Collision: Theory, Method and Narrative» at the Moscow State University of Social Sciences and Technology, a branch of the discussion devoted to the problem of contextualization of writing, reading and researching diaries is presented.

Key words: Social studies, ego-document, diary, editing, style.

References

1. *Battaglia D.* Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. No 4. P. 1089–1106.
2. *Ekajkin A.* (2011) Sezon 56-j RAE na stancii Vostok // *Polyarnyj al'manah*. M.: Paulsen. S. 122–131. (In Russ.)
3. *Lomagin N.A.* (red.), *Pavlovskaya A. YU.* (sost.) (2022) «YA znayu, chto tak pisat' nel'zya»: Fenomen blokadnogo dnevnika. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SanktPeterburge. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО

В прошлом номере журнала мы опубликовали четыре текста: выдержки из дневников и воспоминаний разных людей [Григоренко, 2024, Галицкий, 2024, Козлов, 2024, Дмитриева, 2024]. Они относятся к разным периодам XX века, их действие разворачивается в разных регионах страны. Один из этих текстов — дневник, остальные — воспоминания. Объединяет эти тексты интерес потомков к прошлому своих семей. Потомки сохранили записи, подготовили их для публикации, часто они являлись инициаторами написания воспоминаний. Так проявляется одна из функций зафиксированной памяти — быть инструментом самоидентификации человека в настоящем через сопричастность с жизнью предков. Жизнью, не выхолощенной до страниц учебника истории или строчек на памятнике, но по-настоящему живой. Но это же является причиной личного отношения публикатора к документу.

Мы предложили высказаться по поводу этих текстов экспертам, работающим с эгодокументами, Кирилла Новикова и Александра Кобеяцкого. Получилась дискуссия о роли и значении таких текстов для настоящего, о многомерности и неоднозначности их интерпретаций. Прошлое никуда не ушло. Мы живем прошлым и в прошлом, поэтому важно не отрицать, не отстраняться, не игнорировать пометы казалося бы минувшего. Позволим прошлому быть рядом, отзовёмся на слова людей, которых давно нет, но которые есть, жизнь которых продолжается в нас. Мы не архивисты, не объективные учёные, не безучастные наблюдатели. Мы современники, носители того искреннего личного знания, которое теплится в семейных историях, продолжает жить в нашем эмоциональном отклике.

Литература

1. Григоренко Т.Д. Ветер судьбы. Главы из книги // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 137–145.
2. Галицкий Б.А. Эвакуация. Дорога от Смоленска до Коканда // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 149–159.
3. Дмитриева Е.К. Музей моей памяти // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 179–191.
4. Козлов А.Л. Дневники: фрагменты о Москве // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 167–178.